

На спектаклях Ногинского театра

Из окон выливаются крышам, освещаясь Парижем, таинские в голубоватом свете дня; окрашенные золотом солнечной пылью. Откуда-то из-под плаз ведут крутые ступени, лестницы, по которым люди либят прямо на сцену, изображающую коридоры и квартиры. Но всем видно, что этаж довольно невысокий.

Так выразительными средствами художественно оформленного Ногинского театра вводит зрителей в обстановку действия пьесы «Шестой этаж», которой он открыл свои гастроли в Рязани.

Яркий, несколько условный стиль декораций художника Е. Манке, отключившись вместе с тем большой специфической культурой и выразительностью, характерен для всего спектакля — и режиссерских приемов его постановщика В. Чичко, и игры артистов.

Чепорная хозяйка дома Божена Матро, для которой прежде всего — квартирная плата и репутация жилища, выглядит в исполнении А. Феоктистовой такой же коронитой фигурой, как и салонный фат Жюльен в исполнении А. Скалкина. Неудачник-художник Макс Дескалье (арт. В. Дятлов) предстал в дружеском ансамбле со своей неутомимой супругой Жермен (арт. В. Шах-Назарова). И даже визитная карточка боксера Боба, этакого разухабистого бубоскала с пластырем на щеке, приводева И. Бурмистровым не менее выукло, чем многие центральные роли.

Пьеса французского драматурга А. Жюль «Шестой этаж» свойственна негативизм. В ней много чисто внешней зашумленности, кое-что

илет и от таинственной атмосферы детектива, когда, сложив, жильцы шестого этажа (вместе с ними и артисты) пытаются разгадать тайну «незнакомки в сером», и даже от мелодрамы, когда заступающаяся в своих чувствах бедная девушка Солянка пытается свататься.

При всем том эта пьеса обнажает растленность капиталистического общества, обнажает тлетворное влияние буржуазной морали, отображает нравственное превосходство трудового народа над аристократией в буржуазии.

Такие же мотивы сопровождают и пьесу финского драматурга Х. Вуллиоки «Юстина», показанную Ногинским театром вслед за «Шестым этажом». Правда, здесь совсем другие приемы сценического воплощения образов, иные характеры. На смену броским, острым и лакованным маскам о-палитры режиссера П. Вильяксате принцип краске глубокого психологического проникновения в духовный мир героев. И дело, конечно, не в том, что повторяются схожие ситуации: в «Шестом этаже» в мир простых людей вторгается богатый аристократ Жюльен, а в «Юстине» — сенаторский племянник Роберт; в первой пьесе похотливый развратник обнажает девушку, а во второй развратница пытается обольстить юношу; в одном случае жертва принимает яд, в другом — бросается со скалы.

Очень цельный и впечатляющий образ Юстины — женщины из народа — воплотила А. Феоктистова. Манеры внешнего сценического поведения актрисы на сцене несколько скупы, строг. Зато каждая фраза, каждый монолог согреты боль-

Сцена из спектакля Ногинского театра «Страшный суд». В роли парикмахерши Клавы — заслуженная артистка РСФСР Л. П. Некрасова, в роли Блажевича — В. Н. Васильев.

шим эмоциональным чувством. Благодаря этому становится почти незаметной некоторая риторичность текста ее роли.

Резкий контраст Юстине выгидают образ Хильды — разбавленной, избалованной и изнеженной аристократки. Артистка К. Васильева рисует его тонкими острохарактерными штрихами. Особенно уязвляет ей искусные переходы от гнева, тревоги, ярости к показной привлекательности и беззаботности, когда Хильда маскируется перед гостями. А вот и сами гости, среди кото-

рых особенно выделяется гротесковой отточенностью фигур спитимистом-историк и глубокого барона, в ролях которых и на сей раз успешно выступили В. Шах-Назаров и В. Дятлов.

Жаль, что слишком однообразным в интонациях, мимике, жестках оказались судья Роберт Хармаляхти (арт. Г. Албион), которому в спектакле приходится играть значительное место, и буквально повторился в облике и характере сына Юстины — Олави (арт. В. Синицын), игравший точно такими же приемный роль рабочего Шарпа в «Шестом этаже».

При всей обилии конфликтов и драматичности сюжета пьесы «Юстина» и ее постановка в Ногинском театре звучат оптимистично.

Но нельзя не заметить, как в этой пьесе смягчены, а затем и вовсе затупеваются классовые противоречия. Судья и помещик Роберт Хармаляхти, олицетворяющий буржуазно-дворянское общество, с первых же страниц пьесы становится на сторону бедной служанки Юстины, которую он обманул двадцать лет тому назад, а потом даже разводится с женой, чтобы не разлучаться с Юстиной. На стороне Юстины и старая, властная селаторша, которая впоследствии приобретает еще одного «нового друга» — рабочего Салминена. И, в конце концов, только одна вздорная супруга Роберта — Хильда своим несносным характером и презрительным отношением к рабочим людям мешает всем жить спокойно и дружно.

А когда та, наконец, уезжает из дома, то все облегченно вздыхают. «Юстиныла дурной сын», — восклицает Роберт. «Теперь эти годы мы понесем с тобой вместе», — отвечает ему Юстина. И все, — судья, селаторша, служанка, садовник — объединяются в дружбе и согласии. Вряд ли такую идиллию можно приписать всерьез.

С обаянием юный Васильев современными западными драматургами разнотипно проявлялись впервые. Но, конечно, не только зарубежные пьесы привлек Ногинский театр. Рязанскому зрителю предоставлялась возможность посмотреть в его постановке две пьесы советских авторов, уже знавшие по прошлым спектаклям Рязанского областного театра.

Сымыл двух десятилетий лет прошло с тех пор, как была написана комедия В. Шкваркина «Страшный суд». Безусловно, многое в ней кажется теперь наивным либо архаичным. Уже не тот уровень культуры, не те привычки, что показаны в этой комедии, свойственной сегодня советским людям. Тем не менее «Страшный суд» еще может послужить подспорьем в борьбе с пережитками капитализма, против которых направлено сатирическое острое перо, развенчивающей бюрократов, подхалимов, взяточников, обывателей.

Зритель от души смеется над самоповольным директором учреждения Пружининным (арт. В. Дятлов), начинающим пустоперожный трюк «о поведении человека на службе и около нее». Вполне логичен конец этого недалекого финуля, когда его снимают «на службу» и он остается «около нее». Так же выразительно, как и былую напыщенность своего героя, артист передает теперь растерянность Пружинина, замешавшего настолько, что собственная супруга узнала его только по рубашке.

Под стать ему и карьерист Владелец в интересном исполнении В. Васильева, и многие другие персонажи комедии. В бытовой характеристике ведет роль доярочки Дарьи Блиновой арт. З. Дмитриева, которая неузнаваемо перевоплотилась по сравнению с образом пожилой светской дамы — сенаторши из «Юстины».

Но остались некоторые недостатки в игре И. Романова (бухгалтер Иванкин). Не удалось и способной актрисе Н. Васильевой, которой в нескольких пьесах приходило играть довольно однотипные роли, найти там-то заметные отличительные краски для образа Валентины.

А вот, наконец, и пьеса о советском рабочем — «Вчера в Касатинском». Рязанцы помнят ее по спектаклю своего областного театра, где она шла под названием «Вчера и теперь», имея еще в труппе тогдашнюю — «Подмосковные вечера». Кстати, не слишком ли много батолков для одной и той же пьесы?

Интерес этой постановки состоит не только в том, что она посвящена важной теме борьбы с хулиганством и охраны общественного порядка. Дело еще и в том, что события, произошедшие именно в Ногинске, откуда приехал театр, и это позволило артистам лучше войти в образы сытых героев. Наконец, подыалась возможность сравнить постановки одной пьесы в двух театрах.

Думается, что многие образы и сцены спектакля Рязанского областного театра были ярче, заостреннее. Но главное, что отличает постановку Ногинского театра, — это героическая привоидность, романтический вилет. Они достигаются и музыкальным сопровождением, возмолванной музыкой из произведений Чайковского, которая эмоционально усиливает звучание той или иной картины. Да и декоративное оформление (художник П. Богданов), построенное лишь на типических деталях, на фоне строгих суков, удачно гармонирует со всем стилем спектакля.

Режиссеру В. Чичко вместе с актерами удалось найти какие-то отличные друг от друга черточки характеров молодых рабочих Шарика (Горяева (В. Синицын), Славы Мельнико (Б. Растрогов), Зины Капу-

стиной (А. Пономарева) и других героев. Фигуры хулиганов, хотя и слабые, очень рельефно, но не выплывают на первый план, не заглохают образов тех, кто несет в себе черты вышлой коммунистической ответственности.

Если в спектакле Рязанского областного театра Федка Луианов — рабочий Паренек, попавший под влияние хулиганов, выглядит безобидным человеком, то в Ногинском театре И. Бурмистров показывает его характер в бурных противоречиях, где сталкиваются решимость и страх. Если в Рязанском театре старший лейтенант милиции Вероба показан более опытным и провизительным офицером, то в Ногинском театре он в исполнении В. Поруева более душевный. И те, и другие характеристики по-своему верны, они как бы дополняют друг друга.

Особенно хочется отметить игру заслуженной артистки РСФСР Л. Некрасовой, которая от спектакля к спектаклю все полнее расширяла свой творческий диапазон. Скромная, мечтательная и доверчивая Солянка Дарсело в «Шестом этаже» сменялась в «Страшном суде» кокетливой и болтливой Клавой парикмахершей, которая и в театре ходит на пьесы «по своей специальности» вроде... «Севильского цирюльника». А в спектакле «Вчера в Касатинском» актриса предстала в совершенно новом образе, воплощая живой и многогранный характер заведенной работницы Катя Палавовой, где сочетались и большая женская любовь, и молодежный яд, и глубокие человеческие переживания.

Ногинский театр показал в Рязани далеко не все свои последние работы. Но и те спектакли, которые он здесь поставил, говорят о больших возможностях его дальнейшего творческого роста.

Г. КНЯЗЕВ.

15 июл 1959

Рязанский край